

Последнее письмо М. И. Глинки

Патографические заметки о личности композитора

О. Ф. Ерышев

Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М.Бехтерева

The last letter of M. I. Glynka

The pathographical notes about the character of the composer

O. F. Eryshev

V.M. Bekhterev Psychoneurological research institute, Saint-Petersburg

Это письмо написано М.И. Глинкой его сестре Л.И. Шестаковой из Берлина за несколько дней до смерти композитора. Его уже лихорадило. Вероятно, он болел пневмонией. Вот это письмо полностью.

«Спешу сообщить тебе две приятные вести. 1) На днях уехал в Петербург состоящий при здешнем посольстве священник В.П. Полисадов и охотно взялся доставить тебе кипарисный ящичек, премило отделанный перламутром, с двумя шелковыми платочками. Если получишь, то побереги до дня рождения нашей Оли (племянница Глинки – *авт.*), а в день самого ее рождения отдай ей и скажи, что я ее помню и люблю, и если доживу до ее деток, то и им буду добрый родной. 2) 21/9 января (1857 год – *авт.*) исполнили в Королевском дворце известное трио из «Жизни за царя»: А х, н е м н е б е д н о м у с и р о т и н у ш к е (разрядка *М.И. Глинки*). Пела партию Петровой (партия Вани, приемного сына Сусанина – *авт.*). по справедливости любимая здешней публики М-ме Вагнер, она была в ударе и пропела очень, очень удовлетворительно. Оркестром управлял Мейербер, и надо сознаться, что он отличнейший капельмейстер во всех отношениях. Я также был приглашен во дворец, где пробыл более четырех часов. Чтобы понять важность этого события для меня, надобно знать, что это единственный концерт в году, *tout en grand gala*¹: публики было от 500 до 700 особ, все залито золотом и сверкало бриллиантами. Если не ошибаюсь, полагаю, что я п е р в ы й (разрядка *М.И. Глинки*) из русских, достигший подобной чести. Письма Мейербера как доказательство, что я сам не навязывался и статьи журналов доставлю в самом непродолжительном времени. Фути тоже скоро будут переписаны и высланы. Умоляю добрых приятелей не сетовать, что не пишу, у меня сильная простуда или грипп (подчеркнуто – *авт.*), а время мерзкое, просто ничего не видать от тумана и снега.

Прилагаю при сем программу концерта. Усердный поклон всем домашним, целую тебя и Олю.

Твой верный друг и брат Michel».

Как много мыслей вызывает это коротенькое письмо. Какими гранями высвечивается здесь характер его автора. Слова простые, но как глубоко в душу читателя они проникают. По этому короткому тексту мы представляем себе Глинку любящим и трогательно заботливым братом и дядей. Он выделяет и свою пионерскую роль в демонстрации достижений русских музыкантов за рубежом. Он себя хвалит за то, что удостоен приглашения к берлинскому двору и проводит там несколько часов. Однако нам обидно за него. Грустно, что это двор не петербургский и композитора в Берлине мало знают, поэтому и мало ценят. Думается, что в России, где он был уже достаточно популярен и ценим, ему не пришлось бы сообщать корреспондентам о своей известности, ссылаясь на газеты. От письма в целом веет одиночеством и неустроенностью.

Михаил Иванович Глинка – великий русский композитор. Он был родоначальником русской классической музыки – оперной, симфонической, вокальной. Во всех этих музыкальных жанрах он

оставил ярчайшие следы, каждый из которых в отдельности дает нам полное право назвать его гением музыки. П.И. Чайковский справедливо писал, что позднейшая русская симфоническая музыка находилась в «Камаринской» Глинки, «как весь дуб в желуде». Но, как и многие гении, будучи гигантом в своей отрасли искусства, он не избежал в жизни, как и обычные люди, трудностей, связанных, в том числе, и со здоровьем – психическим и физическим.

Михаила Ивановича Глинку, родился 1 июня (20 мая по старому стилю) 1804 года в поместье своих родителей селе Новоспасском Ельнинского уезда Смоленской губернии. Как писал, много лет спустя, известный французский композитор Ц. Берлиоз: Глинка «принадлежал к фамилии (семье – *авт.*) благородной и богатой». Его родители были троюродными братом и сестрой.

Тетка по матери была тяжелой хронической душевнобольной, заболевшей в молодости, дожившей до старости, но полностью потерявшей связь с реальностью. По описаниям болезнь про-

шла стадии бреда преследования, величия и кончилась шизофазией – с перебиранием бумажек и бессвязным бормотанием.

До рождения Михаила у родителей был первый сын, не доживший до года. Расстроенная этим властная бабушка Михаила обвинила родителей в неумении обращаться с детьми, отобрала у них Мишу, и стала воспитывать его по-своему. Ребенка почти не выпускали из жарко натопленной комнаты, кутали, для незатейливых игр приводили крепостных девушек и детей. Бабушки буквально не давала уронить на внука пушинку. Отчасти с этим была связана необычайная болезненность композитора, которую он сохранил, и будучи взрослым. Мальчик рос малообщительным, нервным, слабым и «золотушным». Эти черты он сохранил и после смерти бабушки, умершей, когда Мише было 4 года. Развивался быстро: рано стал читать и писать, а к 10 годам уже хорошо играл на фортепьяно и говорил о пристрастии к музыке, вызывая улыбки взрослых: «Музыка — душа моя».

До 13 лет он жил в поместье. Учился у приглашенных домашних учителей языкам и музыке. В 14 лет был определен в Благородный пансион в Петербурге. Там прошли его отрочество и юность. В Пансионе он часто страдал простудными заболеваниями, и у него часто воспалялись глаза. Сам он называл это «золотухой». Пропуски в занятиях быстро наверстывал. За болезненность, обидчивость и ранимость его прозвали «мимозой». Потом он и сам себя так называл. Тяготел к естественным и гуманитарным наукам. Кончил Пансион вторым. Учился вместе с младшим братом Пушкиным – Львом. Познакомился и со старшим братом – Александром, но больше общался, а одно время и жил, с Вильгельмом Кюхельбекером, бывшем в Пансионе гувернером. Во время учебы Глинка не прекращал занятия музыкой. Отец нанимал ему лучших учителей, и к концу пребывания в Пансионе (18 лет) он был сформировавшимся музыкантом и начинал сочинять музыку. Но его история болезни уже была начата, как мы видим, с каких-то кожных и глазных проявлений с частых простуд. После окончания Пансиона он продолжал часто общаться с подинспектором И.Я. Колмаковым, научившим будущего композитора латинскому языку и выделявшим этого способного ученика из других. Сам Колмаков любил пунш, при случае он не считал зазорным угостить и своих подопечных. После окончания учебы встречи с учителем участились и стали более бурными. Назывались они «диспутами». После призыва «диспутовать», причем на самые глупые темы (например, о состоянии пьянеющего учителя) употребляли по «второму», по «третьему» пуншу и изрядно пьянели. В это время юноша Глинка стал привыкать к алкоголю.

В 19 лет для поправки здоровья он был послан на Кавказ «на воды». Поездка только ухудшила состояние. Положительным было знакомство с несколькими мелодиями, разработанными позднее в произведениях композитора.

В это же время (возраст 18-20 лет) мы находим в описаниях (и самоописаниях) указания на разительно отличные друг от друга состояния. Он характеризует себя то неунывающим человеком, способным развеселить и других, то пишет о периодах тревоги и тоски, которая его преследует. При этом он отмечает, что подобные сменные настроения, которые он связывает со своими физическими страданиями, с возрастом усиливаются. Сестра Глинка, Л.И.Шестакова, по-иному характеризовала его поведение. «Зимой же брат из комнат решительно не выходил и постоянно сидел у себя наверху в халате на легком заячьем меху. Когда сходил вниз, то надевал сюртук, или венгерку со шнурками. Он тогда (в ранней молодости – авт.) не был тучен... Брат никогда не вмешивался ни в политические, ни в хозяйственные разговоры; обыкновенно, когда возникал разговор о чем-нибудь подобном, он скажет: «Это не по моей части!» и уйдет к себе; там с роялем, книгами, которые привозил с собою, и птицами, он бывал вполне доволен». Нужно отметить, что всю жизнь птицы были страстью композитора. Он держал их десятки, и разных видов, отводил им отдельную комнату и в усадьбе и в городских квартирах, везде, где он останавливался на более или менее длительный срок (например, в Варшаве, уже не говоря о Петербурге). Пение птиц создавало ему комфортную творческую обстановку.

В этот же период сам Глинка говорит об устройстве им для детей в одной из комнат усадьбы деревянной горки, чтобы кататься по ней в железных тазах. В этих катаниях он сам принимал участие. Проживая в Петербурге, он участвовал в концертах «на воде», играя в ансамбле на маленьком фортепьяно, установленном на лодке, и распевая с хором. Однажды с этим ансамблем ездил за 200 верст в Новгородскую губернию давать концерт в богатом поместье. Рассказывая о посещениях в Царском Селе семейства княгини Хованской, он сообщает: «Я всегда приезжал к ним на несколько дней; мое появление приводило всех в радость, знали, что где я, там скуки неИ будет. Действительно, я умел в то время (милое время) разнообразно потешить своих знакомых, в особенности удачным исполнением сцен из опер buffa ». Это почти цитата из книги Ю.В.Каннабиха о циклотимии, когда он пишет: «Будучи социальными в лучшем смысле этого слова, принося с собой оживление и смех, они (люди в легком маниакальном состоянии – авт.) легко становятся на время душой общества и повсюду желанные гости». В это время Глинка сочиняет свой «первый удачный романс» — «Не искушай меня без нужды» на слова Е.А.Баратынского. Но и в состояниях уныния и подавленности он сохранял творческие способности. О них он писал так: «По вечерам и в сумерках любил я мечтать за фортепьяно. Сентиментальная поэзия Жуковского мне чрезвычайно нравилась и трогала меня до слез (вообще говоря, в молодости я был парень романтического устройства, и любил плакать сладкими слезами умиления). Кажется два тоскливых моих романса «Светит месяц

на кладбище» и «Бедный певец» были написаны в это время...весною 1826 года. Это описание само-го легкого снижения настроения.

Дальше все было гораздо серьезнее. Глинку все чаще и сильнее беспокоят болевые проявления в различных частях тела и органах (он называет это «расстройство нерв»), кожные проявления («лишай»), воспаления глаз. В «Воспоминаниях» повторяются описания разнообразных состояний ухудшения здоровья, которые лечили различные врачи, и очень энергично, но складывалось впечатление, что лечение только усугубляло патологию, которая проходила только после прекращения «процедур». Назначались слабительные, ванны, декокты, пребывание в теплой (или темной) комнате. Жаловался больной в основном на боли в позвоночнике, в животе, в конечностях, в шее (при этом применялись еще весьма болезненные пластыри). Нередко появлялось ощущение онемения в конечностях, а иногда все исчерпывалось жалобами на бессонницу. Приходилось принимать Глинке и антилюэтические средства, что дало право некоторым историкам заподозрить у него хроническую венерическую болезнь. Скажем сразу, что никаких убедительных доказательств этого нет. Об осени 1829 года Глинка вспоминал: «...боли, особенно шейных желез, дошли до такой степени, что я катался по полу и кусал себя от невыносимой боли. Вскоре образовалась упорная спазматическая боль сзади шеи; хотя от весьма теплых ванн она успокоилась...»

Итак, болезнь продолжалась. Причем физические сетования становились более неопределенными, а к ним присоединялись жалобы на тоску, «ностальгию», бессонницу. Все это привело к тому, что Глинка в очередной раз «сбежал от болезней» в Новоспасское и стал проситься за границу. На его счастье местный полковой врач нашел у композитора «целую кадрили болезней» и «прописал» ему длительную поездку в Европу.

Характерно, что в «Записках» и воспоминаниях не говорится о конкретной квалификации врачами его болезни. «Лекари» оставляют потомкам широкие возможности в диагностике. Современники же Глинки, не мудрствуя лукаво, питались слухами и сплетнями. Об этом мы узнаем из письма С.П. Шевырева – С.А. Соболевскому 21.08.1830: «Бедный Глинка (музыкант) по дороге в Италию умер». Через 10 дней Соболевский отвечает ему из Турина: «Жалею о женатом Пушкине (А.С.Пушкин как раз только что женился – *авт.*)... всего же более о бедном моем Глинке, который умер». Что же Глинка? Он в это время был в восторге от вида «великолепного из белого мрамора сооруженного храма (Миланский собор – *авт.*) и старого города». Во время трехгодичного пребывания в Италии состояния здоровья было неустойчивым, и Глинка продолжал обращаться к врачам, которые лечили его отрубями, опиумом, беленой, а также «водами». Облегчение он чувствовал только от отрубей. Менялись врачи, но менялась и болезнь. Вместо болей в *plexus solaris* появляется жалоба на «невыносимую то-

ску», заставлявшую, его даже переезжать с места на место. По запискам, однако, трудно проследить определенные периоды снижения настроения. Вперемешку с жалобами идут восхищения итальянской природой, добротой итальянцев, архитектурой, а также сообщения о взаимосимпатиях с итальянскими красавицами. В это же время Глинка учился музыке и пению у итальянских музыкантов и сам сочинял музыку, правда, в итальянском духе. Все это может свидетельствовать о преувеличении композитором своих страданий, его некоторой ипохондричности. Обращает на себя внимание также тот факт, что «припадки» проходили самостоятельно, даже, несмотря на неправильное, а иногда и весьма вредное, лечение. Подвергшись очередному врачеванию пластырем из ляписа «на затылок», а затем «из камфары на брюхо», Глинка «...все еще боролся со страданиями и писал трио для фортепьяно, кларнета и фюгата». Постепенно появились затруднения дыхания, пропал аппетит и сон, и больной «впал в то жесточайшее отчаяние», которое...выразил в вышеупомянутом Трио. Глинка вспоминает: «Во время исполнения этой пьесы, я помню, что от действия пластыря у меня немели руки и ноги до такой степени, что я щипал себя, чтобы убедить себя, что еще в них сохранилась жизнь». Развлекательная поездка в Венецию не помогла. Больной сообщает, что «мучительные явления довели его до глубокой тоски, а сия последняя до ностальгии». Он покинул Италию. Пребывая в Бадене и познакомившись с католическим священником, Глинка стал импровизировать для него. Слушатель воскликнул: «Как можно в Ваши лета играть так грустно?» — «Что же делать? Ведь не легко быть приговоренным к смерти, особенно в цвете лет», отвечал Глинка. Священник посоветовал ему поехать в Вену и испытать лечение гомеопатией. При этом на возражение Глинки его собеседник сказал: «Вы считаете себя приговоренным к смерти; в таком случае, не все ли Вам равно умирать от аллопатии или гомеопатии?». Болезнь все-таки заставила больного композитора принять эту рекомендацию. Пребывая в Вене, почти проездом, он вылечился от мучивших его «приступов» – гомеопатией, которая потом «выручала» композитора не однажды.

Глинка был чрезвычайно доверчив и внушаем. При внезапно возникающих неприятных сообщениях у него возникали «параличи пальцев», какое-то время он не мог играть на фортепьяно. Один из характерных эпизодов Глинка описывает так: «В конце зимы (1851 г. – *авт.*) здоровье мое стало опять расстраиваться, это происходило отчасти от курения папиросок (что и прежде того мне замечали некоторые знакомые барышни), отчасти от венгерского вина, которое сильно бьет на нервы. От того и другого я впоследствии отстал совершенно». В это время пришло известие о смерти матери композитора. Он переживал его тяжело, ведь с матерью он всегда был близок и доверителен. У него даже отнялась рука. Он рассказывал в «Записках»: «Известие это поразило

меня, но я не заплакал. На другой день, после обеда в большом и указательном пальцах правой руки, коими я взял роковые письма (два письма о смерти матери – авт.), из рук Педро*, в то самое [время], когда Педро принес мне их накануне, почувствовал я слабость, и как бы полза[ли на] них мурашки, и через несколько минут правая рука ослабела до того, что я не мог почти владеть ею». Он не мог какое-то время играть на фортепьяно и «с величайшим затруднением подпisyвал свое имя». «Паралич» и уныние, на фоне которого этот «паралич» развился, — постепенно проходят. Врач, лечивший у Глинки подобные состояния описывает случаи, когда у Глинки параличи проходили от приема хлебных мякишей или от окуривания табачным дымом, выдаваемыми за целебные средства.

Одна же болезнь, которую никто таковой не считал, развивалась исподволь, а иногда и толчками – это пьянство, переходящее в алкогольную зависимость. Пиком ее надо считать уход его от жены в связи с полным непониманием последней жизненных интересов композитора и интриг тещи, ее «самоварнообразного шипения» (1840 год, Глинке 36 лет). Он поселился в квартире писателя Нестора Кукольника и его брата – Платона, был окружен «братией», в которую входили художник и скульптор Я.Ф. Яненко, художник Карл Брюллов и другие. Характерно, что Н. Кукольник носил прозвище Клюкельник, а Яненко прозвали Пьяненко. Квартира эта была посещаемая большим количеством самой разной публики. Но иногда устраивались и выездные гуляния «братии». Вот как описывает один из тогдашних посетителей «братии» (музыкант Ю.К. Арнольд) выезды ее на квартиру к уже достаточно в то время известному композитору А.С. Даргомыжскому: «Мужчины, и в особенности «артистическая» компания, обыкновенно «прохлаждались» в собственных покоях Александра Сергеевича (Даргомыжского – авт.)..., а «братия» — та по своей привычке, прохлаждалась не столько чаем, сколько ромом или коньяком, да красным вином. Через некоторое время большая часть из нас воротилась в залу. Но Глинка и «братия» продолжали «прохлаждаться». Несколько дам просили Даргомыжского сыграть одну из сонат Бетховена..., и он сел за рояль и начал играть. Когда он дошел до средней части, то явилась вдруг с шумом вся эта ватага, да, видимо, в довольно «оживленном» состоянии. Нестор Кукольник и Яненко торжественно ведут Глинку, Платон подбегает к Даргомыжскому и говорит: «Ну, полно-те, Александр Сергеевич, старую дребедень выводить. Вот, послушайте лучше – как мы с Мишей вам песнь Ильиничны (из музыки к трагедии «Князь Холмский» — прим. Ю.К. Арнольда) великолепно изобразим». И с этим словами, схватив Даргомыжского, он стащил его со стула. Усадив Глинку за рояль, «братия» окружает его; впереди же всех Яненко в позе контрабасиста, готовящегося играть пиццикато на своем инструменте. Михаил Иванович немножечко уже (как

* * совершенное великолепие (франц.)

говорится) наготове, затягивает: «Ходит ветер у ворот», а Яненко вторит, выделявая губами staccato: «пум, пум, пум»... на басовых нотах аккомпанемента и усердно работая руками, да ломаясь всем телом. На припеве же «Ай люли, ай люли» подхватил хор во всю силу легких». Многие современники считали, что подобным поведением Глинка губит свой талант, и были, видимо, правы. Описанная сцена происходила после триумфа «Жизни за царя», написанной за довольно короткий срок, а в упоминаемое время композитор сочинял «Руслана и Людмилу». Вторую оперу он писал урывками. Не исключено, что в это время он находился в приподнятом аффективном состоянии. Некоторые знакомые отмечали, что при игре Глинки на фортепьяно всегда стоял бокал вина, который периодически пополнялся, а сам композитор нередко вербально смакует вино, вспоминая прошлое. Многие приятели расценивали это, как «шутки гения». А, серьезно говоря, можно подумать и иначе: у композитора сформировалась хоть и сравнительно доброкачественная форма алкогольной зависимости.

С юности у Глинки проявилась выраженная влюбчивость. Он влюблялся везде, где часто бывал или останавливался на определенное время. Это происходило в Новоспасском, в Петербурге, в Париже, Варшаве, в Северной Италии и других местах. Чаще это были недолгие увлечения, которые легко заканчивались. Предметам своей страсти Глинка посвящал романсы. Он был ценителем женской красоты, за что и поплатился, женившись на обворожительной Марии Петровне Ивановой на поверку оказавшуюся капризной и требовательной мещанкой и авантюристкой тайно повторно вышедшей замуж, еще не разведясь с Глинкой. Бракоразводный процесс длился 4 года и крайне травмировал композитора. Надо сказать, что в этой ситуации он вел себя очень терпимо, даже благородно: половину имущества он отдавал жене, предлагал ей содержание (еще не зная, что она повторно вышла замуж). Ему были абсолютно чужды притворность и скупость, о чем свидетельствовали невероятно дорогие подарки, которые он делал жене вначале (например, подарил ей перстень, полученный от царя в день премьеры «Жизни за царя», за 4000 рублей, тогда огромные деньги). Вообще он денег не любил и никогда не держал, предпочитая, чтобы этим занимались другие – мать, сестра, «дядька», «компаньон».

Вторая его большая любовь была более поэтичной. Возлюбленная прекрасно понимала его, сочувствовала. Она была выпускницей Смольного института и дочерью знаменитой А.П. Керн, а звали ее Екатерина Ермолаевна. В отличие от матери, она не блистала красотой, «но ее ясные выразительные глаза, необыкновенно стройный стан ... и особенного рода прелесть и достоинство, разлившее во всей ее особе все более и более...привлекали» Глинку. Роман длился около двух лет, но не это сохраняет его (роман) в русской культуре до сих пор. Глинка посвятил Е.Е. Керн романс «Не ищущай меня без нужды», написав его на стихи

А.С.Пушкина, которые в свою очередь поэт посвятил А.П.Керн, матери Е.Е.Керн. Помимо того, что это хорошо известное хрестоматийное произведение, трудно себе представить себе создание двух гениев, в котором бы слова так естественно ложились на музыку. Что касается романа, то он, спустя два года, не без посторонней помощи, сошел на нет.

Если говорить о музыкальных способностях Глинки, то удивляет его способность сочинять музыку, непосредственно оркеструя ее, предварительно не записывая ее для фортепьяно или другого инструмента. Этому помогало и его умение играть на нескольких музыкальных инструментах. Он поразительно, просто физически чувствовал музыку. Вот как он описывал прослушивание музыки Бетховена «Эгмонт»: «...№ Clarchens Tod (смерть Клерхен * – авт.) произвела на меня глубокое впечатление; в конце я схватил себя за руку: мне показалось от перемены (видимо от «остановки» — авт.) движения волторн (так у Глинки – авт.), что и у меня остановились пульсы».

Как известно первая опера Глинки «Жизнь за царя», была с восторгом принята публикой, а автор был, как говорилось выше – обласкан царем. Только известный критик В.В. Стасов, принявший участие в создании Могучей кучки и русской музыкальной школы, человек бесспорно мощный и выдающийся, в шестидесятые годы XIX века (уже после смерти Глинки) писал М.А. Балакиреву: «Никто, быть может, не сделал такого бесчестия нашему народу, как Глинка, выставив посредством гениальной музыки на вечные времена русским героем подлого холопа Сусанина, верного, как собака, ограниченного, как сова или глухой тетерев. Это апофеоза русской скотины московского типа и московской эпохи...». Эту «критику» можно считать какой-то нелепостью, может автора, как истинного демократа, раздражало название оперы, к которому Глинка был непричастен. Это было царское «пожелание».

У второй оперы, «Руслан и Людмила» была более печальная судьба. Началось с того, что царь со своей семьей не досидел до конца на премьере. Тут в Глинку полетели комья критики, не критиковал только ленивый. Это очень угнетало Глинку, который даже доброжелательную критику переносил плохо. К тому же тянулся бракоразводный процесс, дававший многочисленные поводы для светских петербургских сплетен. Не исключено, что все это послужило толчком для очередного спада настроения, и он покинул Россию почти на 4 года. Говорили, что он, пересекая русскую границу, трижды плюнул на землю, казалось, так враждебную ему. Но даже если это и так, у нас достаточно доказательств того, что он любил Россию. Не даром, уже на нашей памяти, его «Патриотическая песня» была гимном России. Да и «Славься» звучит почти как гимн. В его «Записках» мы часто находим слово «ностальгия», появлявшееся в его субдепрессивных состояниях на чужбине. Ностальгию он считал показателем наибольшей выраженности своего уныния. Он

всегда возвращался на Родину, кроме последнего раза, когда ему помешала смерть.

Если раньше он часто считал себя «парнем хоть куда», то в последние годы жизни он находился часто в плохом настроении, пытаясь исправить его, выезжал в Париж, откуда в 1853 году писал сестре: «...а все-таки зима, враг мой, берет свое. Я не хвораю, а сижу в комнате и вполонину не свой». И дальше: «Зима все остановила: и украинскую симфонию и чтение». А потом: «...не редко овладевает мною н о с т а л ь г и я (разрядка адресата писем Л.И.Шестаковой), напавшая на меня с самого выезда из Варшавы и сопутствующая до берегов Средиземного моря... Впрочем эту ностальгию легко объяснить. Бывало путешествие облегчало мои страдания и оживляло, освежало сердце и воображение; теперь же путешествие (особенно в дилижансах и по железным дорогам) для меня труд, мука и пытка. Шибко и нелепо постарел я ...удовольствия света не по силам: к тому же как-то ничто не утешает. Вдобавок потолстел до безобразия». Такое состояние подавленности и безразличия, затягиваясь все дольше и дольше, не могли не отразиться на его творчестве. Он строил планы и даже начинал писать украинскую сюиту, по мотивам «Тараса Бульбы», оперу «Двумужница», но все это осталось невыполненным. После 1850 года он ничего не сочинял заново. Кое-что исправлял, по настоянию сестры писал свои записки.

Итак, после неудачи с «Русланом» он надолго уезжает за границу, причем значительное время проводит в Испании, после чего рождаются две гениальные симфонические картины – «Арагонская хота» и «Ночь в Мадриде». Таким образом, он творит неровно – временами плодотворно трудится, временами бросает творчество. Лучшие свои вещи он пишет в уравновешенном состоянии, некоторые на фоне печального «элегического» состоянии. В приподнятом состоянии он, видимо, более склонен к разгулу и злоупотреблению напитками, хотя и в это время сочиняет (вспомним упомянутую выше песню «Ходит месяц у ворот»). Но он все время что-то изучает: в Италии – пение, в Испании – танцы, в Германии – теорию музыки, во Франции – современную музыку, в России – народную музыку (русскую, украинскую, финскую, польскую).

Его последние годы прошли в Петербурге в Эртелевом переулке (сейчас улица Чехова д.7, в первом этаже). Отсюда Глинка в 1856 году отправился в Германию. Он всю жизнь учился, не стесняясь этого, и вот в возрасте 52 лет поехал в Германию, чтобы после работы с известным теоретиком музыки З.В.Деном, повысить свое образование, изучая «церковные тона». Болезни все-таки взяли свое. Приехав в Германию, он поселился недалеко от Дена, жил уединенно. Ходил «на уроки» к Дену, сам давал уроки пения двум ученицам. В результате учения написал две фуги, которые ему самому очень нравились. Но вот был приглашен на «королевский» концерт, где звучали его произведения. В это время он простудился

(так, по крайней мере, выглядит основная версия о его смерти), возникла лихорадка, которая через несколько дней привела к смерти. Не исключено, что пониженная сопротивляемость организма сыграла свою роковую роль.

Вот мы и подошли к последнему письму М.И.Глинки. Писал он его уже будучи в лихорадке. После нескольких дней болезни неожиданно состояние еще более ухудшилось. Как вспоминает В.П.Энгельгардт: «...он потребовал, подаренный ему матерью образок поцеловал его молча, горячо молился, стал кроток и спокоен и остался так до той минуты, когда смерть внезапно его поразила». Мнение о причине смерти было единым: Глинка скончался от лихорадки, наступившей в результате простуды. Один Н.Кукольник выразил недоверие, ругая Дена за недостаточное почтительное отношение к композитору, он воскликнул: «Жаль Глинку! Такой друг (Ден – *авт.*) не мог спасти его, хотя смертельная необходимость его болезни подозрительна. «Отопление (так у Н.Кукольника – *авт.*) печени успешно лечит Карлсбад, что доктора и советовали...». Кто советовал Глинке Карлсбад, осталось неизвестным, хотя роль печени в смерти Глинки весьма вероятна. Умер Глинка в Берлине 17 февраля 1857 года в возрасте 53 лет.

Похороны были более, чем скромны. Присутствовало несколько русских и три-четыре немца. Из великих был один маэстро Джакомо Мейербер. И это еще раз подтверждает одиночество Глинки в Берлине. Похоронили его на иновещском кладбище, а через 3 месяца прах на корабле «Витязь» был перевезен в Кронштадт, оттуда – в Петербург и захоронен на Тихвинском кладбище Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, где, несколько изменив расположение в советское время, покоится по сю пору.

При знакомстве с творчеством М.И.Глинки понимаешь, что слова «основоположник», «создатель» легко ложатся на характеристику любой стороны его деятельности. Он бесспорно создатель русской классической музыки, на равных вошедшей в семью европейских музыкальных школ. Он создатель русской симфонической музыки. Неспорима его огромная роль в создании русской национальной оперы (причем патристического и эпического ее вариантов), а также лучших русских классических романсов. Наконец, Глинка был первым композитором, который, благодаря своему авторитету у зарубежных коллег, вывел русскую музыку на европейскую арену.

Что касается психиатрической оценки личности великого композитора, то необходимо отметить

вначале наследственную отягощенность: родители – кровные (троюродные) родственники, тетка по линии матери большая параноидной шизофренией. В раннем детстве выражено гиперпротективное воспитание с изоляцией от сверстников, подверженность частым простудным заболеваниям, аллергическим реакциям. С юности проявились циклотимические (биполярные) черты личности. Четкие периоды «грусти» и «разгула» не прослеживаются, видимо те и другие были весьма длительными, но не воспринимались окружающими, как «фазы». Со временем состояния пониженного настроения стали совпадать с соматическими расстройствами, принимая характер «скрытых» депрессий. С возрастом, однако, начал преобладать затяжной аффективный компонент депрессии. Во время гипоманиакальных состояний усиливались стремление к «разгулу», желание к общению, но это не повышало творческий потенциал. Во время субдепрессий сохранялась творческая активность, а настроение влияло только на содержание произведений. Приходится считать, что максимум творчества проявлялся в нормотимических состояниях и при проявлениях легкой гипомании (продуктивная гипомания). Частоту подобных проявлений у гениев отмечал еще Ч.Ламброзо. Кроме того, характеру М.И.Глинки были свойственны истерические проявления (внушаемость, театральность, ипохондричность), доходившие до конверсионных симптомов (параличи, боли в животе). По современным понятиям Глинка страдал коморбидным с расстройствами личности алкоголизмом. Пьянство носило преимущественно перемежающийся характер: употребление сравнительно небольших доз чередовалось с запоями, могущими продолжаться до месяца и более. В общем, как это бывает у коморбидных больных, характер течения мог меняться: не исключено, что отмечались и короткие спонтанные ремиссии. В общем, алкоголизм носил относительно доброкачественный характер и в пожилом возрасте, видимо, протекал регрессиентно. Алкогольных изменений личности не было. Диагноз композитора мог бы быть в недавнем прошлом сформулирован, как смешанная психопатия (циклотимия с истерическими проявлениями), осложненная алкоголизмом. С учетом современной классификации МКБ-10 это сделать гораздо сложнее. Бесспорно, что это коморбидное расстройство, и складывается он из трех составляющих: Циклотимия (F34.0); диссоциативная анестезия и утрата чувственного восприятия (F44.6); психические и поведенческие расстройства в результате употребления алкоголя, синдром зависимости (F10.2).

Сведения об авторе

Ерышев Олег Федорович — главный научный сотрудник отделения лечения больных алкоголизмом Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М.Бехтерева, доктор медицинских наук, профессор. E-mail: olegerysh@mail.ru